

Основано
на реальных
событиях!

Светлана
Логинова

Чёрная вдова

Светлана Логинова

Чёрная вдова

«Алисторус»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Логинова С.

Чёрная вдова / С. Логинова — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907211-66-7

Светлана Логинова – известный эстонский журналист, автор двух скандально известных книг об организованной преступности – «Бандитский Ида-Вирумаа» и «Криминальная Эстония». Ее новая книга «Черная вдова» тоже основана на реальных фактах и событиях и, тем не менее, не является чисто журналистским расследованием. «Черная вдова» – художественное произведение, написанное в жанре «криминального чтива». Главная героиня – молодая женщина из Санкт-Петербурга, которая вышла замуж за американского летчика, оставившего ей после своей гибели немалую сумму по страховому полису. И тогда новоиспеченная вдова понимает, что для безбедной жизни в Америке не обязательно работать, можно просто отправлять мужей на тот свет. Так начинается изощрённый кровавый бизнес...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907211-66-7

© Логинова С., 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Светлана Логинова

Чёрная вдова

Предисловие

Если кто-нибудь из вас, дорогие читатели, обнаружит в книге персонажи, показавшиеся поразительно схожими с ныне здравствующими или уже ушедшими из жизни личностями, не удивляйтесь – эти персонажи, как жертвы, так и преступники, списаны с конкретных людей, имена которых, а также отдельные эпизоды их жизни, изменены. Это сделано потому, что родным и близким первых было бы больно читать о зеркальном отображении событий и вновь переживать весь ужас минувших дней. Что касается вторых, то их чувства и переживания, даже если они по прошествии времени – с момента совершения преступления – и претерпели эволюцию, то есть появилось раскаяние и жалость к жертвам, меня особо не волнуют. Не потому, что во мне нет сострадания к их нынешнему положению (некоторые из преступников, ставших прототипами персонажей данной книги, осуждены на длительные сроки лишения свободы), просто я исхожу из предпосылки, что каждый сам выбирает свой жизненный путь. Один создает, другой разрушает.

И если имена создающих обычно достойны быть названными, то убийц и насильников – разве только в приговорах суда, чтобы у них потом не было основания сказать: «Я – герой книги». Ведь не секрет, что многие из осужденных, замешанные в особо кровавых деяниях, – серийные убийцы, лидеры преступных группировок, наемные киллеры – люди в высшей мере тщеславные, мечтающие о поклонении и известности, желающие внушать страх и воображающие себя кто крестными отцами мафии, кто властителями и вершителями судеб. Им, как правило, глубоко безразличен суд человеческий – не в юридическом, а в общепринятом понимании этого слова. Но зато не чужды самодовольство и гордость, если их страшные деяния удостоились пера журналиста или писателя.

Глава 1

Резкий звонок настольного телефона вырвал Эдварда из тягучего, беспокойного забытья, не давшего ни малейшего отдыха мозгу, уставшему от неприятных, навязчивых мыслей по поводу предстоящего дела. В башке звенело и трещало от выпитого накануне. Стоило резко оторваться от подушки, как накатывала волна легкой тошноты, вызванная резкой головной болью. Скорее механически, чем осознанно, он протянул руку к трубке.

– Да... слушаю...

Глубокий грудной голос спокойно произнес:

– Давай, просыпайся. Время не ждет. Он звонил, сказал, что будет в Лондоне завтра утром. Вылет из Таллина через Ригу на Хитроу. Действуй по плану. И не вздумай финтить! Да, и еще... не засветитесь. Это скорее в твоих, чем в моих, интересах... Кстати, вернешься, я тебе новости сообщу. Сногшибательные...

Прежде чем Эдвард осознал услышанное, в трубке запикало, означая конец связи.

– Черт побери! Тварь! Чтоб тебя...

Он грязно выругался. Интересно, почему она не звонит на мобильный телефон? Откуда она взяла номер настольного телефона его тетки? Неужели Эдик сам дал? Думать дальше не хотелось. Он развернулся назад, открыл было рот, чтобы разбудить Ивику, спавшую рядом, и с удивлением обнаружил, что ее, любившую понежиться в постели до полудня, не оказалось на месте, хотя часы показывали лишь половину восьмого утра. С кухни послышался легкий шум льющейся воды и хлопок дверцы холодильника. Сунув ноги в шлепанцы, купленные накануне в находившемся поблизости супермаркете, он встал с постели и потянулся.

Ивика, слегка растрепанная после сна, в полупрозрачном, цвета старой розы пеньюаре, лишь слегка прикрывавшем ее длинные стройные ноги и округлые ягодицы, стояла спиной к нему, собираясь засыпать кофе в кофеварку. Механически скользнув взглядом по ее фигуре, Эдвард почувствовал непреодолимое желание заняться с ней сексом прямо здесь, на маленьком кухонном столе тесной теткиной кухоньки. В два шага он стремительно преодолел разделяющее их расстояние и обхватил девушку сзади за плечи. Она тихо ойкнула и попыталась повернуться к нему лицом. Эдвард одной рукой прижал ее к себе чуть сильнее, а второй, резко откинув руками ее роскошные длинные волосы, пригнул лицом к столу и поцеловал в нежный изгиб шеи. Его пальцы скользнули в глубокий вырез пеньюара и обхватили упругую грудь. Ивика не сопротивлялась и, уступая его желанию, изящно изогнулась над столом.

Когда все было кончено, Эдвард, опустошенный утренним сексом, отправился в душ. Колючие струи воды не доставляли, как обычно, удовольствия. Причиной тому был утренний звонок. Если до этого все происходящее воспринималось словно сквозь призму чужих чувств и казалось несколько нереальным – словно происходило с кем-то очень хорошо знакомым, в чьи мысли он мог залезть, прочесть их, проанализировать, разложить по полочкам и даже дать дельный совет, – то теперь окончательно понял, что этот «кто-то» – он сам. И именно ему, а не кому-то эфемерному, живущему в его подсознании и пытающемуся отодвинуться от происходящего, предстоит сделать то, что разработано другим человеком, совершенно чуждым ему как по образу жизни, так и по отношению к ней. Человеком, схватившим его за глотку железной хваткой, не желающему считаться с его, Эдварда, чувствами и точкой зрения.

Утренний звонок как бы провел черту между прошлым и будущим. А настоящего не существовало. Нет, оно, конечно, было. Секунды, минуты, часы продолжали свой спешный бег. Было бы лучше, если бы эти секунды, минуты и часы из настоящего испарились, исчезли,

канули в бездну, из которой нет возврата. Или, на худой случай, во что бы то ни стало постарались втиснуться в узкий промежуток времени, причем так, чтобы этот промежуток сократился в его сознании до понятия «мгновение». Иначе можно сойти с ума.

Эдвард, налив себе вторую чашку крепкого кофе, мимолетно взглянул на Ивику. Господи, ведь она даже не предполагает, во что она может быть втянута, хотя он приложит все силы, чтобы любимая женщина осталась в стороне от предстоящих событий. А может, и ему отказаться от намеченного? Позвонить этой мерзкой твари, втянувшей его, Эдика, в этот кошмар, и заявить: так, мол, и так, выхожу из дела. И будь что будет! В конце концов, мир велик. Он сможет достать другие документы. В Эстонии – Эдвард знал это наверняка – оставаться опасно. Не дай бог, он попадет на глаза бывшим приятелям! Тогда живым не уйти.

Но главное – Ивика. Его чувства к ней из категории увлечения в последнее время перешли в глубокое, как ему казалось, чувство. Появилась даже мысль жениться на ней. Тем более что Ивика пару недель назад сообщила ему о беременности. Какая задержка, поинтересовался он. И узнал, что почти шесть недель. Значит, Ивика «залетела» буквально в первую их ночь. Эта новость выбила его из колеи, потому что в ближайшее время он не планировал стать отцом.

...Сознание, вернее даже не сознание, а ощущения – зверского, пронизывающего все тело холода и тягучей, непонятно откуда поднимающейся волны боли сквозь пелену красного тумана, – медленно возвращались к лежащему на снегу парню. Он застонал и попытался повернуть голову на звуки голоса, которые с каждым мгновением становились все яснее. В мозгу возникли смутные осколки воспоминаний: он с друзьями в машине, потом друг попросил его выйти на пару минут, перекурить и кое о чем поговорить наедине. Автомобиль остановился на лесной дороге, они вышли. А дальше – темнота, мысль оборвалась. Осталась только боль, и он опять застонал...

Голос показался ему знакомым, но снова напрягать мысль для него было невероятно трудно, потому что с каждым мгновением боль становилась все сильнее, особенно в виске. Чтобы как-то ослабить ее, парень чисто инстинктивно попытался повернуть голову набок и громко вскрикнул. Сознание оборвалось, обрушив его в мягкую черную пучину небытия. Начались судороги, и через минуту его душа покинула тело, но тем двум молодым людям, которые находились рядом, об этом было неизвестно. Один из них, высокий, накачанный, с короткой стрижкой, одетый в тонкую темную спортивную куртку, сильно нервничал:

– Черт, он стонет!.. Напортачил я, пуля через висок вышла, по кривой. Он голову повернул не вовремя, вот и получилось не так... Нужно что-то делать, и побыстрее! Тащи бензин...

– Сам тащи, я на это не подписывался...

Высокий достал пистолет, быстро навинтил на него глушитель, перевернул лежавшего на снегу мужчину на спину, сделал контрольный выстрел в сердце и со злостью сказал:

– Слушай, кончай тут корчить из себя: подписывался – не подписывался... Знаешь не хуже меня, что мы в одной телеге... И хочешь, да не спрыгнешь. Эта тварь все под контролем держит. В случае облома нам несдобровать: и в Америке достанет, и здесь вломит. Одно осталось – ее саму грохнуть. Короче, тащи бензин, и побыстрее, а я тут еще раз карманы осмотрю.

Высокий лихорадочно прошелся по всем карманам: вроде ничего такого, что помогло бы следствию опознать труп, не осталось. Часы, бумажник, в котором было окоро пары сотен долларов и билет на самолет до Лондона, маленькая записная книжка в кожаном переплете с видом старого Таллина, мобильный телефон, навороченный «паркер» (явно подарок любимой

жены) – все перекочевало в карман куртки того, кто осматривал убитого, уже не сомневаясь, что тот уже мертв.

Второй, чуть пониже, в светлой зимней куртке с опушкой по капюшону, внешне был более спокоен и сосредоточен. Но это только внешне. Он старался держать себя в руках, хотя на душе было мутно. Голова кружилась, в горле стоял тугой комок, мешавший нормально дышать.

Для его подельника лежавший на снегу был всего лишь приятелем, с которым он познакомился несколько лет назад, а для него убитый был самым близким другом. Убить друга, которого он знал с детсадовского возраста, – это слишком! Во всем виновата эта страшная баба. Она держит их на очень крепком крючке. Вопрос стоял ребром: либо им не жить, либо избавиться от парня, который лежал сейчас перед ними неподвижно. Ненависть к женщине, заставившей их убить человека, и чувство омерзения к себе захлестнули мужчину в светлой куртке настолько сильно, что он буквально вырвал канистру с бензином из рук своего долгового подельника:

– Что телепаешься?! Давай веревку.

Тот косо, со злостью, взглянул на мужчину в светлой куртке и дернул плечом, явно показывая, что он и без напарника справится с веревкой. Высокий быстро обрызгал веревку из канистры, стараясь не попасть бензином на себя или на своего напарника. Потом снял перчатки, сунул их в карман, быстро подошел к неподвижно лежащему телу и, нащупав на шее сонную артерию, буркнул себе под нос: «Все. Умер...»

Затем высокий протянул несколько метров веревки от трупа по направлению к обочине проселочной дороги, снова взялся за ручку канистры и, стараясь не расплескать себе на обувь бензин, облил им расплавленного на снегу мужчину. Его подельник в это время стоял метрах в десяти и, не моргая, наблюдал за происходящим. Закончив с бензином, высокий отошел к тому месту, где змеился конец веревки, и достал зажигалку.

Руки у него дрожали, бешено колотилось сердце. В голове четко работала только одна мысль: быстрее... быстрее, надо сматываться! Веревка занялась сразу, синий язычок пламени пополз к распростертому недалеко от молодых елочек телу, но почему-то почти сразу потух. Убийца снова нагнулся над веревкой и замер, услышав звук тормозящей машины и голоса людей. Не сговариваясь, убийцы быстро сели в машину и прислушались. Минут через пять автомобиль, затормозивший у обочины дороги, тронулся с места. Только они собрались выйти из своей машины, как со стороны шоссе снова послышались звуки проезжавших автомобилей. Высокий напрягся: «Мы опоздаем на рейс. Пусть лежит так... Снег заметет наши следы. Да и огонь может привлечь внимание проезжающих... Что скажешь?» Второй лишь молча кивнул в знак согласия. Высокий быстро скрутил веревку, сунул ее в тонкий полиэтиленовый пакетик для продуктов и кинул в багажник. Мужчина в светлой куртке сел за руль и торопливо тронул машину задним ходом, стараясь не выскочить из колеи...

Глава 2

Казалось, что тихая и глубокая зимняя ночь опустила на грешную землю вуаль покоя и умиротворения. Снег на обочине шоссе сверкал от света фар, словно дорогое, усыпанное мелкой бриллиантовой крошкой, покрывало из лебяжьего пуха. Бледно-желтая, слегка обглоданная с одного края крупная луна, изредка омрачаемая быстро наплывающими на нее облаками, с удивлением взирала с небес на управлявшего автомобилем Аллана Риста, сотрудника регионального отделения Центральной криминальной полиции, именуемой в народе ЦеКриПо. Почему он не в теплой постели под боком у тихо посапывающей жены? Что ему надо в такое время, когда только волки рыщут в лесу? Как объяснить глупой луне, что он сегодня на дежурстве и, даже если у него от простуды дерет горло и ломит кости, обязан ехать на вызов. Аллан, конечно, мог бы прибыть на место происшествия вместе со следственной бригадой, вызванной из префектуры полиции, но весь вечер с начала дежурства чувствовал себя настолько отвратительно, что решил отложить документы, с которыми работал, и на пять минут отлучиться домой за аспирином и медом, чтобы в течение ночи хоть как-то сбить простуду. Не успел он добраться до дома, как сообщение: выезд на труп. Рист был уверен, что коллеги из префектуры помогут в раскрытии преступления, но основная тяжесть ляжет на ЦеКриПо, работающую независимо от «обычной» полиции. Пришлось добираться до места происшествия на своем личном автомобиле.

Аллан остановил машину у поворота, там, где старая заброшенная грунтовая дорога, расположенная недалеко от Йыхви и сочленяющаяся с шоссе Нарва – Таллин, уходила в сторону закрытой мусорной свалки. Следственная бригада была уже на месте. Судмедэксперт Марат Заржанов, невысокий, очень серьезный мужчина, снял резиновые перчатки и, бросив их в сторону, в раздумье запустил руку в свою густую седоватую шевелюру. Потом достал сигарету и обернулся к другим в поисках огонька.

– Что скажет светило медицины? – поинтересовался Аллан, чиркнув зажигалкой.

– Смерть наступила в результате огнестрельного ранения, – ответил после глубокой затяжки судмедэксперт. – Остальное потом, после экспертизы...

Труп молодого человека – внешне не старше двадцати пяти – тридцати лет, высокого, светловолосого, одетого в дорогую фирменную куртку, черные, практически новые джинсы и осенние, не по сезону, но тоже недешевые, известной английской фирмы, туфли, – с пулевыми ранениями в область правого виска и сердца был обнаружен совершенно случайно. Юной паре – девушке и ее спутнику, которым было от силы лет по восемнадцать, – приспичило уединиться, вероятно для того, чтобы заняться любовью. Они не нашли ничего лучшего, как среди ночи свернуть подальше от достаточно оживленной трассы. По словам парня, он вышел из автомобиля, чтобы глотнуть немного свежего воздуха, и сразу заметил слева, за небольшой пушистой елкой, силуэт лежащего на снегу человека.

– Я подумал сначала, что бомж нажрался и уснул... Говорят, что они до сих пор обитают на старой свалке... – Парнишка явно был слегка пьян и очень растерян, но пытался изо всех сил говорить связно. – Ну... я взял фонарик из машины и подошел... чтобы пнуть его... ну, это... разбудить. И тут вижу, что это и не бомж вовсе, а мертвяк. И кровь на снегу...

Другой сотрудник ЦеКриПо – комиссар Виктор Белых, между своими Вик Саныч, высокий сухопарый мужчина, зябко кутавшийся в парку, чертыхался на чем свет стоит.

– Как мое дежурство, так очередной сюрприз... То висельник из политиков, то нож в брюхо известному бизнесмену, а теперь еще и огнестрел! Прямо проклятие какое-то... Но там-то хотя ясно, кто кого, а здесь без бутылки не разобраться.

Вик Саныч был явно не в духе:

– Не знаю, зачем нас вызвали, мне кажется, ребята из «убойного» отдела префектуры полиции прекрасно справились бы с задачей. Смотри, – обернулся он к подошедшему Аллану, – здорово смахивает на убийство с целью ограбления: в карманах куртки ничего – ни денег, ни документов. Но! В потайном кармане куртки лежат свернутые в трубочку ровно сто пятьдесят долларов, две купюры – сотка и полтинник. Вот и объясни мне: если это ограбление, зачем ехать в такую даль, зачем вообще убивать? Стукнул по башке, и лезь в карманы! Значит, не ограбление, а инсценировка... Эй, поверни-ка фары немного влево, гильзы надо поискать! – крикнул он водителю. – М-да, похоже, придется еще раз выезжать на место, в такой темноте ни хрена не найти... Глянь-ка, кольцо не сняли на левом безымянном пальце, серебряное... Похоже на школьное, которое на выпускном вечере в некоторых эстонских гимназиях вручают вместе с аттестатом. Ну хоть какая-то зацепка... Все, я уезжаю, пусть баллисты работают. Зайдешь ко мне утром. Похоже, Аллан, нам придется распутывать это дельце, потому что на бытовуху не похоже.

...Около полудня судмедэксперт позвонил Аллану:

– Загляни ко мне, результаты вскрытия возьмешь...

По данным Заржанова, обе раны, имеющиеся на трупe, были смертельными. Один из выстрелов являлся, вероятно, контрольным. Признаков борьбы, свидетельствующих о сопротивлении жертвы убийце или убийцам, обнаружено не было.

– Так... – многозначительно протянул судмедэксперт, потом аккуратно достал из пачки сигарету и закурил. – Ты будешь? – предложил он Аллану и, услышав отказ, лишь пожал плечами. – Погибший был застрелен хорошо знакомым ему человеком. С момента смерти прошло не более двух часов. Ах, да... Баллисты сказали, что стреляли с близкого расстояния – не далее метра, выходные отверстия разворочены, калибр оружия 7,62 миллиметра. Вероятнее всего, был задействован пистолет ТТ. Труп пытались сжечь, облили бензином, но по какой-то причине не сожгли. Передумали или что-то помешало осуществить этот план. Инсценировали ограбление, однако это была неумелая инсценировка, не более того. Все остальное – в этой бумажке. – Он слегка подтолкнул двумя пальцами результаты вскрытия к краю стола.

Виктор Белых, которому Аллан передал результаты вскрытия, дополнил картину убийства:

– Приехали, конечно, на машине. Но с позапрошлой ночи почти до полудня сегодняшнего дня валил снег, так что рисунок протекторов уже не определить, да и те, звонившие, затоптали порядком все вокруг... Парня убили здесь же, в лесу, похоже, как только вышли из машины. От шоссе съехали на проселочную дорогу метров на сто, не более, до первого поворота в лес, прямо за свалкой. В лесок углубились максимум метров на десять. Может, и хотели бы проехать дальше, но снег довольно глубокий, хотя, судя по всему, дорогу недавно чистили грейдером. Побоялись застрять в снегу. От места убийства тело парня тащили под елку почти пять метров. Почему скинули труп так близко, непонятно. Или что-то их спугнуло, или торопились. А может, рассчитывали, что место безлюдное, раньше весны вряд ли кто появится здесь... – И, помолчав, задумчиво произнес: – Значит, так... В полицию пока с заявлением о пропаже человека никто не обращался. Придется публиковать фотографию в прессе. Кто-нибудь да откликнется. Есть у нас еще одна зацепка – перстень. На нем выгравированы год и название гимназии, похоже таллинской. Надо, Аллан, собрать информацию: что за гимназия, кто заказывал на память кольца, имена выпускников, где они сейчас. В общем, работы уйма. Давай, действуй.

Через три дня все необходимые для выяснения личности убитого сведения были собраны. Им оказался двадцатилетний Томас Кирс, покинувший Эстонию в поисках лучшей жизни почти три года назад и проживавший последние полтора года в Америке. По фотографии в газете его опознали знакомые и родные. В тот вечер, когда было совершено убийство, погибший собирался, по словам его бабушки из Нарвы, улететь в Калифорнию, к своей жене Джейн.

– Он погостил-то всего два денька, и все говорил, что жена ждет, скучает... – Она вытерла нахлынувшие слезы и всхлипнула. – Любили они друг друга очень...

...Похороны состоялись в Таллине. Сначала Томаса Кирса отпевали в церкви, потом процессия отправилась на кладбище. Вдова убитого – Джейн Кирс – выделялась из остальной толпы родственников и знакомых погибшего. Она была в великолепной шубе из голубой норки, в белых сапожках, на руках красовались ослепительно-белые лайковые перчатки. Признаком скорби была только черная кружевная шаль, свободно накинутая на стянутые сзади в конский хвост светлые волосы. Виктор немного удивился, заметив помаду на губах и тщательно подкрашенные глаза, но про себя решил, что это ни о чем не свидетельствует, вероятно Джейн привыкла выглядеть хорошо при любых обстоятельствах. Она вообще создавала впечатление выдержанной, владеющей эмоциями женщины. Если мать, бабушка и сестра Томаса Кирса рыдали, то вдова стояла со скорбным выражением лица и, лишь когда гроб стали опускать в могилу, она не выдержала, бессильно опустила на колени, и по ее лицу безудержно потекли слезы.

На кладбище Виктор Белых и Аллан Рист устроились поодаль от родных и близких. Виктор молча наблюдал за происходящим, Аллан вел видеосъемку. Снимать похороны на видеокамеру – удовольствие малоприятное, но что поделать – работа. Джейн, жену убитого, Аллан видел до похорон на фотографиях, которые показала мать Томаса Кирса, считавшая брак сына удачным. На цветных снимках Джейн выглядела эффектно: тонкий, удлиненный, почти правильной формы нос, крупные зеленоватые глаза, выразительные губы и золотистые, полудлинные, ниспадающие на плечи красивыми локонами волосы. Бывают такие женщины – ухоженные, холеные – без возраста. Именно к таким относилась и Джейн: ей было явно не двадцать лет, и даже не двадцать пять, но сколько точно, по фотографии было не определить. Аллан не стал об этом спрашивать мать Томаса, решив не гадать, а посмотреть позже по документам.

Никого постороннего среди пришедших проводить убитого в последний путь Виктор с Алланом ни в церкви, ни на кладбище не заметили, так что последняя надежда связать гибель Томаса Кирса с тем или с теми, в чей машине он ехал незадолго до смерти и кто убил его, умышленно инсценировав ограбление, не оправдалась.

Когда родственники и знакомые стали покидать кладбище, Виктор Белых догнал Джейн.

– Извините, пожалуйста... – Он назвал себя и продолжил: – Мне сказали, что вы говорите по-русски. Примите мои соболезнования и скажите, когда мы могли бы с вами поговорить.

Она резко повернула голову и несколько мгновений в упор, не мигая, рассматривала его. Затем ответила чуть хриплым голосом:

– Прямо сейчас, если желаете.

– Думаю, здесь не получится. Понимаете, некоторые формальности... Протокол допроса и

прочее. Словом, надо проехать к нам в ЦеКриПо или встретиться в другом, удобном для допроса месте.

– Тогда вечером, потому что сейчас поминки...

Ровно в семь часов вечера Виктор, несмотря на то, что его рабочий день давно закончился, подъехал к условленному месту – отелю «Виру» в центре Таллина. Открывая Джейн дверцу машины, он обратил внимание на то, что она изменила причёску и наложила на лицо другую, соответствующую вечернему времени косметику. Это поразило его. Надо бы, решил Виктор, дать Аллану задание не только собрать о Джейн всю информацию, но и установить за женщиной наружное наблюдение до тех пор, пока она не покинет Эстонию.

Что его подтолкнуло к этому решению, он сказать не мог. Никаких подозрений лично в отношении Джейн быть не могло, во время убийства она находилась в Америке, однако она могла быть связана с убийством косвенно или напрямую. Многие в ее поведении казалось Виктору странным. Может быть, было непривычным то спокойствие, с которым она хоронила мужа. Или изысканность ее траурного одеяния и макияжа...

Виктор Белых предупредил Джейн, что она будет допрошена в качестве свидетеля и весь допрос будет записан на диктофон. Женщина лишь равнодушно пожалала плечами. Ее ответы ничего не прояснили. Джейн сообщила о том, что Виктору уже было известно: они с Томасом познакомились, когда он работал таксистом в Чикаго. Через полгода, чувствуя, что не могут жить друг без друга, официально оформили отношения. Брак, по словам Джейн, был счастливым, хотя, судя по документам, разница в возрасте между ними составляла пятнадцать лет, но внешне это не бросалось в глаза. Говоря о своих отношениях с погибшим, женщина сделала паузу и, вытащив из элегантной сумочки носовой платок, приложила его к глазам.

– Извините, до сих пор не могу поверить, что Томаса нет в живых. Вы, наверное, думаете, глядя на меня, что я – бездушный сухарь, потому что не рыдала на кладбище, как другие. Одному Богу известно, сколько таблеток я выпила, чтобы держать себя в руках. – От внимания Джейн не укрылся мимолетный взгляд Виктора на шубу, лежащую на стуле рядом: – Не считайте, что я специально вырядилась на похороны так, чтобы продемонстрировать свою шубу... Вовсе нет. Я очень далека от всякого рода показухи. Просто шубу подарил мне Томас. Я ему так нравилась в ней... Он говорил, что в этой шубе я похожа на снежную королеву из сказки Андерсена... Он настоял и на том, чтобы я купила к шубе белые перчатки и сапожки...

Женщина всхлипнула и вновь приложила платочек к глазам.

– Томас очень хотел повидать родных, тем более что в последний раз, когда он звонил домой, мать сказала ему, что бабушка сильно сдала, постоянно болеет. Поэтому он и приехал на несколько дней в Эстонию. Восемнадцатого декабря он позвонил мне и сказал, что через два дня вылетает вечерним рейсом в Лондон, где мы договорились провести с ним рождественские каникулы.

Однако в условленный день Томас Кирс не прибыл в Лондон, и обеспокоенная Джейн позвонила его матери Рийне в Таллин. Та сказала, что два дня перед отъездом сын провел у бабушки в Нарве и обещал заехать попрощаться только в том случае, если позволит время. Но не заехал... Бабушка, после того, как Томас уехал, звонила дочери, чтобы сообщить, что внук уже отправился в аэропорт. По прибытии туда он должен был связаться с бабушкой, но, видимо, не смог. Мало ли что случилось, может, закрутился с оформлением документов... Старушка не стала нервничать, потому что, зная характер внука, твердо была уверена: как только он сможет – не забудет про свое обещание позвонить.

От матери убитого Виктор узнал, что Джейн действительно звонила в Таллин, спрашивала, когда вылетел Томас. Но ни мать, ни бабушка не знали точного времени вылета и номера рейса, которым Томас должен был покинуть Эстонию. После разговора с невесткой обуреваемая беспокойством мать позвонила в аэропорт и после долгих выяснений на разных инстан-

циях узнала, что Томас Кирс должен был вылететь в половине десятого вечера, но регистрацию пассажир с таким именем не проходил. Женщина, не откладывая в долгий ящик, отправилась в полицию, но там отказались принимать заявление об объявлении сына в розыск на том основании, что прошло слишком мало времени. Мало ли, объяснил расстроенной женщине дежурный констебль, где мог загулять молодой человек. Может быть, зашел в ресторан и выпил лишнего или с кем-то познакомился, вот и опоздал на рейс. А звонить, улыбнулся полицейский, сами знаете – вроде неудобно... Как скажешь матери, что напился или еще что, дело-то молодое... Ей посоветовали прийти через пару дней.

Но через два дня мать Томаса Кирса явилась в полицию уже по другому поводу: приятельница принесла ей газету, в которой она увидела фото убитого на лесной дороге молодого человека. В нем она сразу опознала пропавшего сына...

Наружное наблюдение, установленное за вдовой Томаса Кирса, не только ничего не прояснило, но, напротив, еще больше усложнило и без того запутанное дело. Наутро после похорон женщина спустилась в бар отеля, выпила кофе и вызвала такси. Аллан, зная от Виктора, что сегодня вечером вдова улетает обратно, решил, что она собирается попрощаться с родными – матерью и сестрой мужа. Но он глубоко заблуждался: Джейн отправилась по магазинам. Она побывала почти во всех дорогих бутиках – вероятно, маршрут ей подсказывал таксист, – накупила ворох вещей, упакованных в коробки и пакеты, и вернулась в отель. Внизу она позвонила кому-то из телефона-автомата и поднялась к себе в номер, который не покидала вплоть до отбытия в аэропорт.

Пока Джейн отдыхала в своем люксовом номере, Аллан позвонил Виктору Белых и попросил выяснить, кому звонила вдова. Оказалось – матери Томаса. Мобильный телефон Джейн был отключен, и Белых позвонил Рийне. Он не стал говорить женщине, что уже знает, в каком отеле остановилась ее невестка, и спросил лишь: есть ли у Джейн другой номер мобильного телефона и нельзя ли в течение часа встретиться с Джейн? Убитая горем Рийна ответила:

– Другого мобильника у нее нет. Джейн остановилась в «Виру», в каком номере, я не знаю. Думаю, там есть настольный, звоните на него. Насчет встречи с ней – сомневаюсь. Нам – мне и ей – сейчас не до вопросов. Скажите, Джейн сообщила вам, что отменила свою поездку в Лондон и собирается домой, в Америку? Она сегодня улетает в Калифорнию... Мы должны были с ней встретиться – Джейн обещала приехать к нам сама, чтобы попрощаться, но недавно она позвонила и сообщила, что чувствует себя так плохо, что целый день не выходила из номера. Даже завтракать не стала. Сказала, что нет необходимости провожать ее, и обещала приехать на сорок дней. Мне так жалко Джейн...

Виктор ничего не сказал Рийне о том, как невестка провела день. Зачем лишний раз расстраивать убитую горем женщину?

Глава 3

Через неделю напряженной работы Аллану удалось собрать практически всю информацию о погибшем, какую только можно было получить в ходе опроса его школьных и студенческих друзей и приятелей, родных и близких. Собственно, ничего интересного, кроме одного момента, который так и остался пока невыясненным, не набралось.

Томас Кирс слыл человеком контактным и абсолютно неконфликтным. В любом случае сам никогда не шел на открытую конфронтацию, пытаясь до последнего исчерпать все возможные мирные пути решения проблемы, если таковая возникала. Это, впрочем, не означало, что любой компромисс для него был приемлем. Он не считал возможным идти навстречу обидчику в том случае, если его самолюбие было задето несправедливыми словами, наносящими глубокую обиду. И уж, не дай бог, как рассказали его школьные и студенческие приятели, если обидчик, несмотря на предупреждения не прибегать к рукоприкладству, воспринимаемые людьми, плохо знающими Томаса Кирса, за элементарную трусость, переходил от угроз к мордобитию. Тогда – пиши пропало: от Томаса пощады не жди. У него словно планка падала. Другьям не раз приходилось оттаскивать разъяренного Томаса от обидчика, чтобы последний остался жив.

Вместе со своим близким другом Эдвардом Метсом они занимались каратэ, потом Томас увлекся кикбоксингом, но занимался им недолго, поскольку после окончания гимназии уехал учиться в Тарту. Говорят, что именно там на третьем курсе он и влип в неприятную историю, отделав, словно котлету, сыночка одного из профессоров университета. Томасу каким-то образом удалось уладить проблему и избежать суда, но сохранить место в университете он не сумел. Через несколько месяцев после этой истории Томас Кирс уехал в Ирландию, потом оказался в Англии и оттуда рванул в Америку, где через некоторое время встретил Джейн.

Аллан побывал в Тартуском университете, но ничего полезного, что каким-то образом могло пролить свет на убийство, не почерпнул. Он, правда, встретился с девушкой, у которой с Томасом незадолго до отъезда за границу были близкие отношения. Она поступила в магистратуру и поэтому осталась жить в Тарту. Катрин – так звали его бывшую пассию – честно призналась, что была очень сильно увлечена Томасом Кирсом.

– Я ему нужна была скорее для постельных утех, хотя он и говорил, что любит меня. Это правда, что я у него была более-менее постоянная... – Девушка горько усмехнулась и отвела глаза в сторону. – Но помимо меня были и другие. Сначала я очень ревновала, переживала, но потом поняла, что готова терпеть все его загулы, лишь бы не потерять Томаса, лишь бы он всегда был рядом. Глупо, конечно, но это так. Может быть, если бы у него был другой характер, тогда и остальное было бы по-другому. Если бы он хоть раз нахамил мне или ударил, думаю, я смогла бы уйти от него. Но Томас всегда был очень нежный, внимательный. Таких мужчин, как он, очень мало. Не надейтесь – вы не найдете таких, кто бы его ненавидел. В любом случае, – Катрин пожала плечами и улыбнулась, – среди наших с ним бывших однокурсников. Томас удивительным образом умел ладить со всеми. Может, я и ошибаюсь, но думаю, вы не там ищите – ведь он давно уехал за границу, говорят, женился.

Наряду с версией о причастности к убийству кого-то из бывших знакомых надо было проверять и другую версию – причастности к преступлению Джейн. А вот с этим дела обстояли совсем туго, потому что на сбор информации о Джейн нужно было время, а его-то как раз было в обрез. Родилась она в Германии, где служил ее отец, потом жила в Литве, откуда ее семья переехала в Ленинград, а потом Джейн, уже будучи взрослой девушкой, отправилась вместе с

первым мужем в Америку. Это то небольшое, что она сообщила о себе во время допроса. Через эстонское отделение Интерпола отправили три запроса – в Литву, в Россию и в Америку.

Пока не прибыли ответы из Интерпола, Аллан занялся тщательной проверкой сведений, полученных от матери убитого: с кем сын встречался в те несколько дней, пока жил в Таллине, кому звонил. Распечатка телефонных разговоров ничего существенного не дала. Судя по ней, он три раза вызывал такси, чтобы выехать в город. По словам матери, бывал в магазинах, пытаясь найти подарки к Рождеству для Джейн и для своих родных. Один раз Томас Кирс был в гостях у дяди по материнской линии, который дал ему свой старенький «форд» для поездки к бабушке. Дал с условием: доставить машину назад в Таллин целой и невредимой. С дядей племянник посидел за бутылкой водки, рассказывая о жизни в Америке.

– Он у нас не нытик, – вспоминал дядя, – жаловаться не привык. Может, и не все было хорошо там, за границей, я не знаю, но Томас шутил и смеялся, даже когда рассказывал о том, какие сложности он испытывал в первые несколько месяцев пребывания за кордоном. Когда он оказался в Англии, то не сразу нашел работу, да и с английским у него на первых порах было не очень хорошо. Про Джейн почти ничего не рассказывал. Стоило мне только спросить про жену, он сразу мягко останавливал меня: «Потом расскажу, успею...» Мне почему-то показалось, что чувств у него к жене особых не было. Впрочем, это мое мнение, я могу и ошибаться. Моя сестра – его мать – и бабушка думают иначе. Да вы, наверное, уже знаете... Они почему-то уверены, что сын женился по большой любви.

Виктор Белых попросил Аллана еще раз встретиться с бабушкой Томаса Кирса, живущей в Нарве на улице Кангеласте.

– Ты вот что, дружище... на меня тут разом столько дел навалилось, что только успевай разгрести. Пока я тут заканчиваю с обвинительным по двойному убийству в баре, смотайся-ка в Нарву, попробуй еще раз поговорить с Валентиной Райдма, бабулей этого Кирса. Попытайся дома, в неофициальной обстановке, разузнать, как ее внук провел те два дня, что пробыл у нее. Может, что ценное раскопаешь. Обязательно прозондируй, не звонил ему кто или он кому-нибудь. В общем, не буду тебя инструктировать, сам знаешь, что делать.

– Вик Саньч, вы же сказали мне сегодня найти подругу той дамочки из Йыхви, расчленившей мужа...

– Подождет дамочка! Давай, действуй. Машина будет через полчаса, так что сразу на крыло и отправляйся в Нарву. Вот телефон бабули...

Старая женщина за короткое время, прошедшее с похорон внука, казалось, совсем высохла, сторбилась, превратилась в совершенно дряхлую развалину с потухшим, безжизненным взором. Она даже передвигалась как сомнабула, словно вместо ног у нее были деревяшки.

На столе в комнате стояла фотография внука, перевязанная с одного угла черной траурной лентой. Перед фотографией – горящая свеча и две белых хризантемы. В квартире сильно пахло лекарствами.

– А... это вы... – тихо произнесла женщина, хотя неизвестно, узнала ли она Аллана, которого видела на кладбище и во время допроса сразу после похорон. – Проходите... Чаю хотите? Я поставлю... – И тут же, забыв о чае, направилась к креслу, стоящему возле стола с фотографией внука. Впустив в квартиру незваного гостя, старушка словно забыла о его существовании. Она неловко, как-то бочком, словно на минутку, опустилась в кресло и, судорожно вздохнув, уставилась на улыбающееся лицо своего погибшего внука. Потом всхлипнула, но не заплакала. Аллан не знал, как напомнить о себе, с чего начать разговор. Минут пять прошло в полном молчании.

– Вы извините, – произнес Аллан и удивился своему осипшему голосу, – что я тут пришел, но, понимаете... Может быть, вы что-нибудь еще вспомните... Прошу вас, давайте попробуем по минутам разложить те два дня, которые Томас, – Аллан сделал паузу и посмотрел на снимок с траурной лентой – провел у вас... Чем он занимался, куда ходил, с кем встречался?

Старушка продолжала молчать, будто не слышала гостя. Аллан уже решил, что напрасно приехал, потерял время. Придется, подумал он с сожалением, еще раз здесь побывать, чуть позже. Он только приподнялся из кресла, чтобы распрощаться, как пожилая женщина заговорила:

– Томас – она обвела уставшим взглядом, в котором, помимо боли, плескались безнадежность и отчаяние, – здесь... Он всегда будет со мной... ведь я любила его больше всего на свете...

И бесцветным, безжизненным голосом продолжила:

– Его последние дни... последние дни... – Она задумалась ненадолго. – Я вам все уже рассказала...

Пытаясь напрячь память, старушка часто заморгала и сморщила переносицу.

– Да нет, никуда он вроде и не ходил-то... Утром, когда приехал, пообедал со мной, а потом вместе отправились на рынок. Купили продукты... он сам платил... все приговаривал: «Бабуля, у меня денег достаточно...»

Несчастливая женщина взглянула на Аллана и заплакала:

– Оставил двести долларов, велел потратить себе на подарок к праздникам. На что мне эти подарки? – жалобно спросила она. – Ничего мне не надо, ни подарков, ни денег... Мне и пенсии хватает... Мне внук нужен, мой Томас... Кто его убил? Скажите, кто? Найдите этого человека. Нет, не человека – подонка!

– Обязательно найдем, обещаю вам. Но нам нужна ваша помощь. Попробуйте вспомнить, может быть, внук встречался с кем? Или звонил куда-нибудь?

– Звонил? – женщина непонимающе посмотрела на Алана. – Да... звонил... Матери...

– А ему никто не звонил? – не рассчитывая на утвердительный ответ, поинтересовался оперативник.

– Нет... Да и кто ему мог звонить. Впрочем, – старушка встрепенулась, – подождите! Как это не звонили – звонили! Точно звонили. Утром... Жена... – И вновь потухла. – Да, жена... Они поговорили немного. Томас сказал, что скоро приедет...

– Не припомните ли детали разговора? Он не нервничал? Что еще говорил?

– Да ничего такого не было... Спокойно говорил. Сказал в конце разговора: «Целую» и повесил трубку.

– Когда был звонок?

– Рано еще было, часов в восемь... Нет, наверное, чуть раньше, потому что соседка-учительница еще не ушла на работу. – Увидев удивленный взгляд Аллана, старушка пояснила: – Я слышу, как она, уходя в школу около половины восьмого утра, хлопает дверью... – И добавила: – Но Томас уже не спал. Он первый подошел к телефону...

Аллан Рист решил про себя, что вряд ли можно будет использовать эту информацию: подумаешь, жена позвонила. Никакой зацепки...

Он еще раз извинился перед старой женщиной за беспокойство, причиненное ей своим визитом, и встал. Едва Аллан подошел к двери и взялся за ручку, как запищал мобильник. Он машинально вынул его:

– Слушаю! В Таллин? Когда? Хорошо, успею...

И тут старушка всплеснула руками и схватилась за голову:

– Ой! Стойте! Вспомнила... Вы сказали про Таллин, вот я и вспомнила! Внуку еще кто-то звонил. Днем... Минут пять говорили. Внук больше слушал... Потом сказал, что машина у него есть, таллинский дядя, мой брат, дал на время.

– Хоть одно имя Томас назвал?

Старушка сокрушенно вздохнула и виновато поглядела на Аллана:

– Нет. Кто звонил – не знаю. Он не сказал мне. Помню только, что обрадовался очень звонку, как будто бы ждал его. Я спросила, кто это, но Томас отшутился: «Бабушка, много будешь знать, быстро состаришься, а я хочу, чтобы ты всегда была такой молодой и красивой». И когда увидел, что я немного обиделась, поцеловал в щеку: «Друзья звонили...» И обнял меня. А потом добавил, что, дескать, поедет с друзьями до Таллина, но имен не назвал... Ни одного... Да я и не спрашивала больше... Зачем?

Это уже было что-то: жертве перед смертью звонили, назначили встречу, и, получается, они вместе отправились в Таллин. Вот только приехали не в Таллин, а в лес. «Или я ошибаюсь? – прикинул Аллан. – Нет, все так. Ни с кем другим Томас Кирс не собирался вроде бы встречаться. Бабушка сказала, что он очень обрадовался звонку. Но ведь звонок, на первый взгляд, был неожиданный! Интересно, кому это он так обрадовался? Теперь становится понятным тот факт, что парень дал спокойно себя застрелить – он просто не ожидал, что такое может случиться, потому что доверял тем людям, с кем собирался ехать в Таллин».

Глава 4

Распечатка дала неожиданный результат: Кирсу звонили из Нарвы, с настольного телефона. Осталось выяснить, кому принадлежит номер телефона. Оказалось – Линде Элиссон, проживающей неподалеку от кинотеатра «Энергетик».

– Я не понимаю, по какому поводу меня вызвали? – Пожилая женщина вопросительно взглянула на Виктора, потом на табличку на двери кабинета, где значился его номер, указанный в повестке. – Мне к Белых. Я – Линда Элиссон.

– Проходите и присаживайтесь, – ответил комиссар. – Я – Белых... Мне надо выяснить один вопрос. Да вы не пугайтесь, – улыбнулся он, увидев в глазах посетительницы легкую растерянность, – с вами все в порядке. Я только хочу спросить, где вы были двадцатого декабря?

– Двадцатого? – Линда удивленно вскинула брови. – А зачем вам это? – подозрительно спросила женщина. Услышав фразу, что ничего серьезного не произошло и она нужна в качестве свидетеля для прояснения кое-каких обстоятельств, Линда немного успокоилась и искала глазами календарь. – Это какой день у нас был? Господи, да как же я запамятовала! У подруги была, в соседнем подъезде. Ко мне семнадцатого под вечер совершенно неожиданно, без предупреждения, гости приехали на три дня, и... понимаете, в однокомнатной квартирке как-то не очень удобно с молодыми-то. Я – женщина уже немолодая, на полу спать вроде не по возрасту, да и здоровье уже не то, чтобы на матрасике маяться. И молодых, то есть гостей своих, тоже на пол не положишь. Вот я и решила: пойду к подруге, она уж год, как мужа схоронила, одна живет...

– Извините, что перебиваю, но не могли бы вы сказать, кто к вам приезжал в гости?

– Это так важно?

– Очень.

– Не вижу, конечно, связи между вашим вопросом и приездом моих гостей, но отвечу: мой племянник.

– Но вы же сказали «моих гостей»...

– С девушкой. Очень хорошая девушка, симпатичная.

– Не сомневаюсь. Как звать вашего племянника?

– Эдик... Эдвард Метс... – и торопливо добавила: – А имя его девушки Ивика. Фамилию не знаю.

– А теперь припомните, пожалуйста, вы целый день двадцатого декабря провели у подруги?

– Нет. Я и восемнадцатого, и девятнадцатого приходила домой. В первый вечер я накормила их, постель застелила свежую, потом ушла к соседке, сказала ей, что родственники приехали, а на следующий день часиков в двенадцать дня наведальась. Надо было обед приготовить, пообщаться немного, гости все-таки. Я сразу спросила, когда молодые просыпаются, но они только засмеялись: дескать, в двенадцать вечера по нашему времени.

– Что значит «по нашему»?

– Так племянник у меня за границей живет...

– Где? – перебил Виктор.

– Да зачем вам это? – с некоторым раздражением спросила женщина. – Он ни в чем таком не замешан. И вообще, он просил... – Она запнулась и растерянно посмотрела на следователя.

– Так о чем он просил?

– Послушайте, пока вы не объясните мне, в чем дело, я не собираюсь больше отвечать ни на один ваш вопрос.

– Тогда вам придется провести здесь времени больше, чем вы думали... Вы обязаны отвечать на мои вопросы, поясню – почему. Дело в том, что двадцатого числа с вашего домашнего телефона был сделан звонок Валентине Алексеевне Райдма. Знаете вы такую?

– Конечно знаю! – удивилась женщина. – В Нарве не так уж много тех, кто говорит по-эстонски. А Валя – бабушка Томаса Кирса, друга моего племянника, говорит свободно, даже без акцента. Но я не звонила ей... Может, Эдик звонил, чтобы узнать, где друг сейчас. Валя мне как-то говорила, что Томас тоже живет за границей. Но я не знаю, был ли он в эти дни в Эстонии, Эдик ничего мне не говорил об этом. Когда он приехал в гости, я ему сразу все новости выложила.

– Какие новости? Можете припомнить?

– Да про Юльку... Про мальчишек с нашего двора: где они сейчас, чем занимаются...

Виктора совершенно не интересовали ни мальчишки, ни Юлька, но приезд некоего Эдика, друга Томаса Кирса, к тетке дал пищу для размышлений.

– Я правильно вас понял: племянник просил никому не рассказывать о его приезде?

– В общем-то, да-а... – неуверенно протянула Линда Элиссон. – Он не просил, а строго-настрого приказал никому и никогда не говорить о том, что он приехал и где он живет за границей. Он за все то время, что живет в Америке, приехал в Эстонию первый раз. Не предупреждая. Для меня это было как снег на голову. И сразу сказал, что не хочет, чтобы кто-нибудь узнал о том, что он в Нарве.

– Кто именно не должен был узнать о его приезде? У него были основания кого-то или чего-то опасаться?

– Не думаю... – замялась Линда и отвела глаза в сторону. – Мне кажется, что он просто не хотел ни с кем встречаться. Почему, не особо объяснял. – Женщина явно что-то не договаривала. – Попросил как-то так... дайте-ка припомню... в общем, что, мол, есть тут придурки, век бы их не видать, а то начнут расспрашивать, что да как, да навяжутся еще чего доброго в гости... Я поняла, что эти люди, которых он не хотел видеть, могут напроситься к нему в Америку, а вы сами понимаете – ни к чему это Эдику. Если бы они друзьями были, тогда другое дело... А таких – захребетников, которые на халяву хотят за границей пожить, у нас полным-полно. И нечего их приваживать. У них только одно на уме...

– Подождите, Линда, – прервал ее комиссар, – я не совсем вас понимаю. О каких захребетниках вы говорите? Кто это такие?

– Да знаете, – заторопилась женщина, – ко мне как-то, после его отъезда в Америку, заходил один тип, неприятный очень, интересовался: где Эдик, что да как с ним?

Линда замолчала. Виктор мягко спросил:

– Что дальше? Вам угрожали?

– Да нет... – замялась женщина. – Мне кажется, что об этом вообще не стоит говорить, столько времени прошло. И Эдик не велел.

– Что не велел ваш племянник?

И видя, что женщина не может решиться на разговор, спокойно добавил:

– Линда, я думаю, что это в наших общих интересах – помочь вашему племяннику. А что если ему угрожает опасность? Вы же сами понимаете, что «захребетников», как вы изволили выразиться, всегда можно отшить. В конце-концов никто ведь вашего племянника не тянул за язык, так что он мог бы сказать, что живет в Таллине. Или, скажем, не в Эстонии, а в Латвии, в России... Да мало ли где, кому какая разница. Но если ваш Эдик не хотел, а может быть, боялся с кем-то встретиться, то это уже другой вопрос. Значит, у него были основания чего-то или кого-то опасаться. Причем серьезные основания, так?

И видя, что женщина колеблется, спокойно добавил:

– Линда, я ничего не собираюсь записывать. Я просто хочу понять, что происходит, и помочь, если смогу. А вдруг над вашим племянником нависла угроза расправы? Вы поймите, этот разговор между нами...

– Ладно... Расскажу. Года три назад Эдик в последние дни перед отъездом из Эстонии чего-то очень опасался и велел говорить, если кто-то будет интересоваться, куда он уехал, – мол, не знаю, куда, кажется, в Россию. Уехал и не вернулся, пропал. Мама Эдика, моя сестра, умерла на тот момент скоропостижно – инсульт приключился. Она ко мне за несколько дней до своей смерти приезжала и тоже умоляла говорить всем, что Эдик бесследно исчез.

Виктор Белых сидел ошарашенный признанием Линды.

– Подождите, Линда. Ваш племянник действительно пропал на тот момент? Ваша сестра заявляла своего сына в розыск? Или это была... – Виктор пытался подобрать слово, чтобы не испугать Линду, – ... ложь во имя спасения жизни вашего племянника?

Линда опять замялась:

– Знаете, это вообще не имеет отношения к делу. Я не хотела бы говорить об этом...

– Ну что вы, Линда, очень даже имеет! Говорите все как есть. Вы же понимаете, что в противном случае я буду вынужден проверить те сведения, которые вы мне сейчас сообщили, официально.

– Ой, не надо, прошу вас! Какая же я дура, проговорилась! С Эдиком все в порядке, но для всех своих знакомых он исчез. Его мама перед смертью намекнула, что Эдварду грозит смертельная опасность. Не потому, что он сделал что-то плохое, а потому что встал какому-то мерзавцу из бандитов поперек дороги. И мерзавец этот может его убить! Она говорила, что к ней уже наведывались домой, пытались узнать, где Эдик, угрожали ей! После их ухода ей «скорую» вызывали. У нее никогда особых проблем со здоровьем не было, а тут... Она умерла на третий день после приезда ко мне. Ее смерть на совести этих бандитов! Эдик ничего не знал о кончине матери, потому и на похороны не приехал. Кто и куда должен был ему сообщить об этом?.. Он только в этот раз узнал, что ее нет на свете, и был очень подавлен. Мы на могилу к ней ездили. Он заплакал: «Это я виноват, мама...»

– Погодите, погодите, Линда! Если я правильно понял вас, Эдварду пришлось срочно уехать из Эстонии. Из-за каких-то там сомнительных друзей, так? А вы знаете этих его друзей?

– Этих, которые ему угрожали? Нет. Но некоторых знаю, не всех, конечно... С мальчишками из нашего двора дружил, но самый лучший и давний его друг – Томас Кирс. Они с ним и в Таллине учились в одной школе, и в Нарве вместе летом отдыхали. Томас к бабушке ездил... к Валентине Райдма.

– Ладно, про бандитов, которые могут убить вашего племянника, поговорим позже. А сейчас расскажите мне, какие отношения были у вашего Эдика и Томаса Кирса? Племянник рассказывал вам что-нибудь о Томасе: где тот, чем занимается?

– Нет, как он мне мог что-то рассказывать, если мы все эти годы не встречались, не созванивались, не переписывались? Я даже не знала, жив ли он. Мне не у кого было спросить, потому что никого из родных, кроме меня, у Эдика не осталось. Я только в этот раз узнала, что он живет в Америке. Он сказал мне это по большому секрету, а я вот... вам разболтала.

– Успокойтесь, я об этом никому не собираюсь говорить.

Женщина помолчала с минуту и снова заговорила:

– Ну, кое-что о Томасе я знаю. Однажды я спросила Эдика, еще до отъезда из Эстонии: почему я Томаса давно не вижу в гостях у нас в Нарве? Он ответил, что другу вроде как при-

шло уехать за границу, но куда точно – не помню, кажется, в Америку или в Англию. Эдик еще добавил, что перед отъездом Томаса за границу дал другу денег взаймы, большую сумму.

– Когда уехал ваш племянник в этот раз?

– Вечером двадцатого, в субботу. Он сразу сказал, что не знает, сколько дней пробудет в Нарве. По мне, так пусть бы еще погостил. Он же мне как сын, каждое лето у меня жил. Я его всегда ждала, верила, что он жив. А сейчас неожиданно, без предупреждения прилетел. Заявил, что сюрприз хотел мне сделать... И сразу сказал, что билеты обратно заказаны, а то праздники на носу, самолеты переполнены. Ивику он отправил в Таллин девятнадцатого, сказал: пусть походит по магазинам и переночует в отеле, а двадцатого они вместе улетят в Америку. Он вызвал такси и посадил Ивику в него. Я была в это время дома, ушла на кухню, чтобы не мешать молодым прощаться. А потом, на следующий день, уехал Эдик.

– Вы его провожали?

– Мы попрощались у порога. Эдик сказал, что они сами доберутся.

– Кто «они»?

– Не знаю. Племянник сказал, что до Таллина едет с каким-то однокашником. Я в окно выглянула, увидела какого-то высокого парня в темной куртке рядом с ним, мне показалось, что это был Ингар, но я могла и ошибиться. Зрение уже не очень хорошее...

– На чем они собирались ехать в Таллин? У них были куплены билеты на автобус?

– С билетами ничего не получилось, поэтому он собирался либо такси брать, либо с кем-то насчет машины договариваться.

– И что?

– Такси вызывал...

– С кем из одноклассников Эдвард поддерживал отношения?

– Не знаю. Пока не уехал из Эстонии, часто встречался с Ингаром Ковалевым. Они учились вместе в одном классе в гимназии. Мне этот Ингар не нравился, угрюмый какой-то, неразговорчивый, взгляд исподлобья. Заезжал вместе с Эдиком иногда ко мне, когда Эдик уже в Таллине жил.

– Что еще про этого одноклассника вы можете сказать?

– Ничего. Совершенно ничего. Как Эдик уехал, я Ингара ни разу не видела. А, да... Эдик как-то говорил, что Ингар после гимназии сразу уехал за границу, а потом, через пару лет, вернулся. Больше ничего не знаю.

Странно, подумал Белых после встречи с Линдой Эллисон, ведь Аллан говорил, что Томас Кирс уехал в Таллин на автомобиле дяди. И если они встретились с Эдвардом Метсом, то наверняка отправились бы в Таллин на машине, которую дал Кирсу его дядя. Что-то здесь не так. Хотя... Ведь можно добраться на такси до нужного адреса в Нарве, а там пересесть в другую машину.

Проверка таксофирм подтвердила эту догадку: один из водителей вспомнил не только, как выглядели молодые люди, которых он забрал от подъезда дома Линды Эллисон, но и куда он их подвез – к новому торговому центру.

В том, что вместо домашнего адреса Валентины Райдма таксист назвал торговый центр, не было ничего удивительного. Прежде всего потому, что центр находился неподалеку от дома бабушки убитого. Вероятно, встреча была назначена там. А может быть, они решили зайти в магазин, а потом пешком добраться до дома Валентины Райдма или до места встречи с Томасом Кирсом. Надо проверить список улетевших: есть ли среди них племянник Линды Эллисон и девушка по имени Ивика, фамилию которой Линда не знала.

Белых не видел Аллана почти сутки. Тот занимался сбором сведений о нарвском периоде жизни Томаса Кирса, пытаясь отыскать какую-нибудь ниточку, связывающую этот период с убийством. Однако информация, полученная от тетки Эдварда Метса, требовала срочной проверки. Чтобы не терять время на письменные запросы-ответы с администрацией аэропорта, Белых отправил в Таллин Аллана Риста. Уже вечером этого же дня Аллан доложил:

– Вик Саныч, среди пассажиров, отправившихся на следующий день рейсом на Калифорнию, нет Эдварда Метса и Ингара Ковалева, зато есть Эдвард Вебер, Ингар Берк и Ивика Легрелл. Места Ивики и Эдварда были рядом. Других Ивик, Эдвардов или Ингаров в списке пассажиров не было.

Глава 5

Белых, задержавшийся в Нарве по другим уголовным делам, срочно связался сначала с Валентиной Райлма и спросил, как звали самого близкого друга ее сына. Женщина была удивлена: «Эдик. Эдвард Метс. А что случилось?» Белых ответил, что полиция обязана проверить всех друзей погибшего, и сразу после этого набрал номер телефона Линды Эллисон, попросив ее о срочной встрече. Через пятнадцать минут он уже был у нее дома.

– Линда, скажите, как звать вашего племянника? Его нет среди пассажиров, улетевших двадцатого декабря в Калифорнию.

– Так он живет в Калифорнии? А я и не знала. Он сказал, что в Америке, и все. Я и спросить-то забыла, в каком городе.

– Это не город, это штат в Америке. Ответьте мне, пожалуйста, как имя вашего племянника?

– Эдвард Ме... – начала женщина и тут же испуганно замолчала. – Ой, извините меня. Я забыла вам сказать, что у него сейчас другое имя – Эдвард Вебер. Незадолго до отъезда из Эстонии, когда была еще жива его мать, Эдик попросил меня найти документы бабушки, моей матери, – Лизхен Вебер. Она немка. Вот он и поменял свою фамилию на «Вебер».

Ну вот и сложилась мозаика, подумал про себя комиссар. Теперь ясно, кто такой Эдвард Вебер... Вероятно, Ингар тоже превратился из Ковалева в Берка не случайно.

Выйдя на улицу, Белых сразу позвонил по мобильному Аллану Ристу:

– Все отлично! У меня тоже кое-что интересное. Тетка нашего героя, отбывшего в Калифорнию, не знает адрес племянника в Америке, зато дала номер телефона его пассии – Ивики, так что, думаю, придется тебе, возможно, обследовать калифорнийские пляжи. Это дешевле, чем вызывать обоих – Вебера и девицу – в Эстонию. Думаю, что и Ингар обитает где-то поблизости от этой парочки. Впрочем, посмотрим; может быть, поездка и не понадобится. Я попробую прошерстить все, что набралось по убийству, и продумать вопросы к этим путешественникам. Чувствую я, что они, по большому счету, имеют причастность к убийству, причем самую непосредственную. Насчет девицы не уверен, она вполне могла не знать о предстоящем убийстве, возможно поэтому ее за день до преступления и отправили в Таллин.

Белых сидел над материалами дела, собранными по убийству Томаса Кирса, и размышлял, пытаясь собрать воедино разрозненные кусочки информации. Получается, что расправа над Кирсом была продумана до мелочей. Слишком много фактов свидетельствовало в пользу версии умышленного убийства – ни тебе орудия убийства, ни других каких-нибудь явных следов, указывающих направление поиска преступника. Словом, ничего, кроме того, что Эдвард Вебер и Ингар Берк, предположительно, выехали из Нарвы вместе с Томасом Кирсом. Значит, надо найти машину, в которой должны остаться их отпечатки пальцев.

Комиссар ЦеКриПо задумался. По собранным сведениям вырисовывалась следующая картина: Кирс, уже длительное время живущий за границей, кому-то очень сильно мешал. Чем и кому он мог так насолить? И где – в Эстонии или в Америке? Лучшему другу? Пока эта версия не слишком основательна, но скидывать ее со счетов не стоит. Версия ничем не подтверждена, потому что следствию ровным счетом ничего не известно о жизни Кирса в Америке, о его отношениях с женой. Об Эдварде Вебере и Ингаре Берке у следствия тоже нет почти никаких сведений. Есть только информация, что Эдвард дружил с Томасом, а потом их пути на какое-то время разошлись. Кирс уехал в Ирландию, оттуда в Англию и затем – в Америку, в Чикаго, а потом оказался в Калифорнии. А через некоторое время в том же штате оказался

и его близкий друг Эдвард Метс-Вебер. Не исключено, что их пути там пересеклись и они поддерживали отношения.

На эту мысль наталкивал тот факт, что в день отъезда Томаса Кирса из Нарвы Эдвард позвонил ему. Значит, он почти наверняка знал, что тот у бабушки. Но откуда знал? По распечатке видно, что Томас сам не звонил на номер телефона Линды Элиссон, тетки Эдварда. Значит, надо проверить еще раз все без исключения входящие и исходящие звонки с ее телефона за то время, в течение которого племянник жил у Линды. Это – единственный способ выяснить, кто сообщил Эдварду об отъезде друга.

А то, что кто-то сообщил, можно не сомневаться, потому что бабушка погибшего сказала, что сам он никому не звонил, ни с кем не встречался. В то же время известно, что ему звонили какие-то «друзья», собиравшиеся ехать в Таллин вместе с ее внуком. Если Томас действительно ни с кем из приятелей в Нарве не виделся, то можно предположить, что единственным, кто набивался ему в попутчики, был Эдвард Вебер. Но почему он не объявился раньше? Здесь два варианта: либо он случайно – но в случайности Белых не очень-то верил – узнал о том, что его друг тоже в Нарве, либо звонок – часть какого-то плана. Но какого? Неужели лучший друг замешан в убийстве Томаса Кирса? Каков же мотив? И еще надо было бы основательно проверить машину его таллинского дяди.

Дядю Томаса Кирса нашли быстро, и он подтвердил, что машину вернули. Автомобиль, как и просил дядя, был возвращен в целости и сохранности, что, в принципе, неудивительно. Эдвард Вебер, будучи другом Томаса со школьной скамьи, вполне мог знать, где живет дядя Кирса.

Двадцать первого утром дядя выглянул из окна своей квартиры на улице Паэ и увидел «форд» на стоянке перед домом. Правда, не там, где он его обычно парковал. Дядя решил, что племянник приехал очень поздно ночью, оставил автомобиль на свободном месте и не стал звонить, чтобы не будить родственника.

Как-то все странно, подумал комиссар: Томас Кирс и Эдвард Вебер – друзья с детства, вместе живут в Калифорнии, возможно даже, что недалеко друг от друга, почти в одно и то же время приезжают в этот раз в Эстонию, но почему-то не встречаются в Нарве друг с другом... При этом Эдвард Вебер намеренно скрывается от всех, включая друга, и только перед самым отъездом неожиданно звонит Кирсу. Томас, по словам бабушки убитого, рад звонку... Но если он рад, то логично было бы предположить, что между друзьями все в порядке. А может, наоборот, не в порядке... Может, между ними когда-то пробежала черная кошка и теперь один из них, случайно узнав о том, что другой тоже находится в Эстонии, решил наладить отношения и потому позвонил? Родным и близким ничего о нынешних отношениях Кирса и Вебера – если эти отношения, конечно, имели продолжение в Америке – не известно, все возможные каналы по поводу жизни Томаса Кирса в Эстонии Аллан уже прокачал. Остается покопаться в прошлом Эдварда Вебера и запросить распечатку звонков на номер телефона Линды Элиссон. С последним проблем не возникнет, а вот сбор информации на Вебера займет достаточно времени. Кажется, Аллан заикнулся о том, что один из школьных друзей Томаса Кирса сказал, якобы Вебер, в прошлом – Метс, одно время работал в Нарве. Когда, интересно? Придется еще раз встретиться с его теткой.

С одной стороны, полученная телефонная распечатка разговоров из квартиры Линды Элиссон кое-что прояснила, с другой – еще более запутала и без того нелегкое дело. Девятнадцатого декабря утром на ее номер поступил звонок из Калифорнии. Сравнив распечатки разговоров, Виктор Белых с удивлением и одновременно с удовлетворением отметил, что оба звонка из Калифорнии сделаны с одного телефона. Томасу Кирсу звонила жена. Значит, можно

предполагать, что она говорила с мужем из дома. Разница во времени между разговором с Томасом и с его другом Эдвардом Вебером – менее десяти минут. Значит, Джейн Кирс и Эдвард знакомы и, надо полагать, ее муж все-таки поддерживал отношения со своим другом. Вопрос в другом: зачем она звонила Веберу, что она ему сообщила или что у него спросила?

Еще один звонок на телефон Линды, тоже девятнадцатого декабря, был сделан из Раквере, как удалось быстро выяснить – из квартиры Рейна Ковалева, родственника Ингара Ковалева-Берка. Раквереские полицейские оперативно установили, что к Рейну приезжал в гости двоюродный брат из Америки – Ингар. О чем и с кем брат говорил, Рейн не знал, он был в это время на работе.

Белых быстро отыскал в материалах уголовного дела телефон Линды Элиссон:

– Добрый день! Виктор Белых говорит... Скажите, не могли бы мы с вами встретиться еще раз? – Получив утвердительный ответ, следователь добавил: – Если возможно, то прямо сейчас, я еще нахожусь в Нарве. Могу прислать за вами машину.

Он проклинал себя на чем свет стоит: наверняка тетка Эдварда Вебера уже слышала об убийстве его друга, и вполне могла позвонить в Америку его девушке, чтобы через нее сообщить племяннику эту новость. Надо было при первой же встрече попросить ее не делать этого. Вот ведь незадача!

В подтверждение его мыслей женщина, едва переступив порог, спросила:

– Скажите, это правда, что убийца Томаса Кирса арестован? Соседка сказала, что это кто-то из наших, из нарвских бандитов?

– Нет, пока никто не арестован, – лаконично ответил следователь и, чтобы прекратить дальнейшие расспросы, перешел к делу. – Вы звонили в Америку, чтобы сообщить Эдварду об убийстве друга?

– Звонила, – кивнула Линда Элиссон. У Виктора испортилось настроение, но в следующее мгновение он успокоился: женщина пояснила, что сделала несколько попыток поговорить с племянником, но так и не дозвонилась. – Как только вернусь из полиции, обязательно еще раз попробую...

– Я вас очень прошу, – Виктор вложил в интонацию все убеждение, на какое был способен, – не говорите пока племяннику о трагедии. Это в интересах следствия. Любая утечка информации может оказаться роковой, а в наших с вами интересах как можно быстрее найти преступника. – Он сделал выразительную паузу и посмотрел на сидящую напротив женщину. – Думаю, что вы со мной согласны.

– Нет! – резко ответила Линда Элиссон. – Насколько я понимаю, вы подозреваете моего племянника в убийстве Томаса? Иначе вы не просили бы не звонить ему, это так?

– Не совсем так, но кое в чем вы правы... – Белых выдержал пристальный взгляд женщины и сделал многозначительную паузу. – Я не хочу от вас скрывать, что некоторые факты косвенно свидетельствуют в пользу данной версии, однако у нас есть и другие версии, в том числе, что и с вашим племянником могут расправиться. Я не могу озвучить вам все версии, мы обязаны сначала проверить их...

Линда Элиссон помолчала. Видно было, что она переваривает услышанное. Наконец, женщина твердым голосом произнесла:

– Не верю! Как хотите, но я не верю вашим словам! Одна из версий... Бред какой-то! Вы же знаете, что мой племянник и внук Валентины Райлма – лучшие друзья? – И тут же поправила: – Были... Не-ет! Чтобы мой племянник пошел на убийство – это уже слишком! Вы отдаете отчет своим словам?!

– И все-таки... Не знаю, как вам объяснить... Но когда происходит убийство, первыми под подозрение попадают близкие и родные погибшего – супруги, дети, затем лучшие друзья. В жизни всякое бывает. – Виктор напомнил Линде Элиссон нашумевшее убийство в Нарве, когда женщина-врач, прожившая с супругом много лет и очень ревновавшая его, убила мужа, расчленила труп и, упаковав в мешок, сбросила останки в развалины древней башни. А потом подала в розыск, обливаясь слезами и убиваясь об исчезновении любимого. И только когда мальчишки случайно обнаружили страшное содержимое мешка, женщина, зная о неизбежной расплате, покончила счеты с жизнью. – Следствие обязано проверить все версии. Я же не сказал вам, что у нас есть веские основания для подозрения вашего Эдика в совершении преступления. Мы и жену убитого обязаны проверить.

– О, господи... – простонала Линда Элиссон. – Она, что, тоже была в Нарве?

– Нет.

– Тогда чем же вы собираетесь заниматься? – немного успокоилась женщина. – Проверкой... – она судорожно подбирала нужное слово, – ...алиби человека, который находился в момент совершения преступления черт знает где? Ерунда какая-то... Да и Эдик – я точно знаю – не мог этого сделать, потому что... никуда не выходил из квартиры, пока был в Нарве. Я знаю, что Ивика ходила в супермаркет, а он – нет. Что ж это получается? Сидел дома, потом поехал в Таллин и вдруг... стал убийцей?! То, что он позвонил другу, ровным счетом ничего не доказывает...

– Полностью согласен с вами, – вновь попытался успокоить ее Виктор, – и все же моя просьба остается в силе: не звоните Эдику. – Виктор намеренно называл ее племянника так, как его называла сама Линда, и заметил, как она судорожно вздохнула и быстро моргнула, сдерживая слезы. – И не говорите ему пока ничего. Думаю, в ближайшие пару дней многое выяснится, и я обязательно дам вам знать, когда можно будет с ним поговорить о случившемся. Вы, конечно, вправе игнорировать мою просьбу – мы не можем заставить вас молчать, но я убежден, что вы все правильно поняли и не навредите своими действиями следствию и своему племяннику. Со своей стороны обещаю, что сразу поставлю вас в известность по поводу результатов обработки версии, связанной с вашим племянником.

Линда Элиссон кивнула, а затем, справившись со своими эмоциями, сухо спросила:

– Хорошо. От меня еще что-нибудь надо?

– Да. Мы хотели бы как можно подробнее знать о жизни вашего племянника в Нарве после окончания гимназии. Попытайтесь вспомнить круг его друзей и знакомых, место работы и прочее...

Глава 6

Линда Элиссон скупко рассказала, что Эдик приехал в Нарву, потому что провалил экзамены в мореходное училище. Он хотел устроиться работать на погранпункт или в таможеню, но на тот момент вакансий не было:

– Ему пообещали, что как только будет возможность, его возьмут. Он устроился автомехаником. Потом армия, а после службы он вернулся в Таллин. Вот, собственно, и все... Как видите, ничего интересного для следствия.

– Сколько времени он жил в Нарве?

– Меньше года. Сейчас точнее скажу... Приехал он, по-моему, в июле, а весной следующего года призвали в армию... Получается – несколько месяцев.

– На какие средства он жил, вы его кормили?

– Нет, Эдик не такой. Сразу, как только приехал, стал искать работу. Рассчитывать на что-то хорошее он, конечно, не мог, потому что только окончил гимназию и, сами понимаете, профессии никакой не было... Но он хорошо разбирался в машинах и, не в пример некоторым нашим нарвским эстонцам, считающим, что они заслуживают высокооплачиваемой должности за принадлежность к титульной нации, не белоручка – не искал теплое местечко, не кричал, что его обязаны обеспечить куском хлеба потому, что он владеет эстонским языком. Эдик вообще не кичливый парень, он добрый и безотказный. Если что надо, обязательно сделает. Будущая жена будет им довольна...

– И как быстро он нашел работу?

– Быстро... Примерно через неделю или полторы. Устроился в мастерскую, где машины чинят. Руки у Эдика были золотые, и характер покладистый. Сами же знаете, как избалованы эти автослесари: каждому водителю хочется, чтобы его автомобиль был отремонтирован вне очереди, вот и предлагают ребятам и деньги, и выпивку. Но Эдик не пил. Хозяин мастерской ценил его. Не помню уж точно, но довольно скоро Эдик стал зарабатывать хорошо. По ресторанам не шастал. Матери деньгами помогал, и мне. Оделся, обулся. Машину купил, старенькую, но все равно... А уж продукты! И фрукты, и шоколад, и мясо в доме благодаря ему не переводились. Не жадный он...

– А кто хозяином-то мастерской был?

– Ой, не припомню имя, но место знаю. – Линда Элиссон не смогла назвать улицу, где располагалась автослесарка, но довольно точно описала место ее расположения.

– Вы никогда не интересовались размером заработка племянника?

– В этом не было никакого секрета. Эдик сам как-то сказал, что взяли его на сдельщину. Сказали, что надо проявить себя, тогда и заработки будут приличные.

– Приличные – это как?

– Обещали три – четыре тысячи крон...

– Ну, на эти деньги далеко не уедешь. А вы сказали, что он жил, не отказывая себе ни в чем?

– Так я вам и говорю, что хозяин ценил его, часто в Россию посылал, за запчастями. Бывало, на двое суток приходилось уезжать. Вот заработки и выросли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.